

Е. П. ГЛУШАНИН, Е. В. ФАРАШЯН

Алтайский университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Европа никогда не была континентом единым в политическом отношении. Даже в период существования Римской империи Северная и Центральная Европа не входили в ее владения. Народы Барбарикума, находясь на разных стадиях этатогенеза, являлись политически отдельной частью. В новейшей историографии Г. Альфельди даже ставил вопрос о том, не являлась ли Римская империя прообразом современной объединенной Европы¹. Во второй половине III в., в пору обострения системного кризиса в Римской империи, начинается процесс раздела огромного государства (выделение так называемой Галльской империи). Данный процесс получает более устойчивое внешнее проявление уже в IV в., который стал в истории Римской империи столетием разделов, в результате чего на политическом пространстве прежней мировой державы образовалось вначале два, а затем и большее число государств. Одно из них, Восточно-Римская империя, еще около тысячи лет будет играть существенную роль в международной политике. Поэтому вопрос о распаде Римской империи органически вплетен в проблему зарождения суверенитета на римском Востоке.

Одна из центральных проблем политической истории поздней античности — раздел Римской империи — вот уже более ста лет привлекает к себе пристальное внимание исследователей², которые в той или иной плоскости рассматривают детали отчуждения Востока и Запада, оценивают причины и механизм каждого из этапов раздела империи. При этом наступившие реальные последствия подобных размежеваний, как правило, остаются в тени.

Начало IV в. ознаменовалось для Римской империи междоусобной борьбой за наследство тетрархии, оставленное Диоклетианом. В 312 г. Константин разбил Максенция и занял Италию. Лициний, заключивший союз с Константином, в апреле 313 г. побеждает Максимиана Дайя и становится хозяином Иллирика и восточных провинций империи. В результате подобного развития событий на

Евгений Павлович Глушанин, д. и. н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Алтайского государственного университета, специалист по военной истории поздней Римской империи и ранней Византии.

Ерванд Владимирович Фарашнян, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета.

¹ Alföldy G. Das Imperium Romanum — ein Vorbild für das vereinte Europa? Basel, 1999.

² Анализ различных концепций окончательного раздела Римской империи: Pabst A. Divisio regni. Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen. Bonn, 1986; Глушанин Е. П. Раздел Римской империи 364 г. и начало византийского государства // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Барнаул, 1998. С. 4–8.

территории Римской империи появляются два властных центра — один на Востоке, другой на Западе. В октябре 316 г. между ними разгорается война, локальная победа в которой Константина приводит к заключению нового мирного договора³, по которому Лициний лишился всех своих европейских владений за исключением Фракии. Однако отношения между правителями Востока и Запада вновь ухудшаются в 321 г., внешним проявлением чего стал отказ Лициния признать консулов Константина. Напряжение достигает критической точки, после того как Константин напал на территорию Лициния в 323 г., ведя борьбу против вторгшихся из-за Дуная готов. Это приводит к второй войне между Константином и Лицинием, которая завершается поражением последнего в результате решающего сражения при Хрисополе 18 сентября 324 г. Такова событийная канва раздела империи между Константином и Лицинием. Восточные провинции империи превратились за период с 313 по 324 гг., по сути дела, в независимое государственное образование с четко очерченной территорией и административной границей.

На особенность раздела империи между Константином и Лицинием обращает внимание О. Зеек, давая при этом такую оценку: «Римская империя распалась на два отдельных государства, которые с недоверием смотрели друг на друга»⁴. В таком же духе высказывается и Э. Корнеман: «Каждый август теперь имел право издавать законы для своей части империи... Это является первым признаком перехода от распределения административных округов в рамках единого государства к разделу империи»⁵. Э. Штейн считал, что: «В последовавшие за этим годы и даже позже, всякий раз, когда распределялась между двумя и более августиами, империя представляла собой всего лишь рыхлый союз государств, члены которого хотя и были однотипными, но имели очень мало общего»⁶. И действительно, распределение регионов между несколькими правителями (августиами и цезарями) в предшествующую эпоху Тетрархии не приводило к реальному разделу империи, поскольку цезари не обладали гражданской властью и не имели права собственного законотворчества⁷, а фактическое верховенство Диоклетиана в коллегии тетрархов подтверждается адресацией именно ему ряда петиций из западных провинций, которые находились под формальной юрисдикцией августа Максимиана и на которые канцелярия старшего августа дает соответствующие ответы⁸. Ситуация же, сложившаяся после раздела империи между Лицинием и Константином, коренным образом отличается уже тем, что оба правителя имели четко установленную границу своих территорий⁹, в отличие от довольно условного деления ре-

³ О. Зеек предлагает считать датой первой войны между Константином и Лицинием 314 г. См.: Seeck O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit*. Stuttgart, 1919. S. 134. Однако более поздняя дата сейчас точно установлена, см.: Barnes T. D. *Lactantius and Constantine* // *Journal of Roman Studies*. 1963. P. 29-46.

⁴ Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Bd. I. Stuttgart, 1921. S. 164.

⁵ Kornemann E. *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*. Leipzig, 1930. S. 126.

⁶ Stein E. *Geschichte des spätromischen Reiches*. Bd. 1. Wien, 1928. S. 145.

⁷ См.: Palanque J. -R. *Collégialité et partages dans L'Empire Romain aux IV-e et V siècles* // *Revue des études anciennes*. P., 1944. Vol. 46. P. 48-49.

⁸ См.: Corcoran S. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284-324*. Oxford, 1996. P. 116.

⁹ О разделе провинций Иллирика между Константином и Лицинием см.: Demougeot E. *Le partage des provinces de l'Illyricum entre la pars occidentis et la pars orientis, de la Tétrarchie au règne de Théodoric* // *La Géographie administrative et politique d'Alexandre à Mahomet*. Strasbourg, 1979. P. 229-253.

гионов у тетрархов, нарушение которой становится равносильным объявлению войны. Так, известно, что нападение Константина на территорию, принадлежащую Лицинию, в ходе борьбы с вторжением варваров послужило поводом для начала в 323 г. второй войны между двумя императорами.

Другим важнейшим последствием рассматриваемого раздела империи стало появление на Востоке собственного законодательства, реконструировать которое достаточно проблематично, поскольку после победы Константина во второй войне с Лицинием, имя последнего было предано проклятию, а все его законы отменены (CTh. 15.14.1). Однако сам факт того, что в законах CTh. 15.14.1-2 Константин четко отмежевывается от нормативных актов Лициния, несмотря на то, что они подписывались именами обоих августов, красноречиво говорит о наличии у восточного императора своего законодательства.

Существенное расхождение между Востоком и Западом в этот период намечается и в выборе моделей административного устройства высших органов власти. Так, Лициний во время войны с Константином прибег фактически к методам Диоклетиана: в 316 г. он провозгласил цезарем Валента, дукса лимеса (Exc. Val. 17; Aur. Vict. Epit. 40.2; Zos. II. 14.2; согласно данным нумизматических исследований, он был августом, PLRE I. 931). Позже, в 324 г., Лициний назначил цезарем своего магистра оффиций Мартиниана (Zos. II. 25.2; Aur. Vict. Epit. 41.6). Т. е. Лициний вернулся к практике политической адоптации, в то время как Константин был последовательным приверженцем династизма.

Наличие на Востоке разветвленного бюрократического аппарата при Лицинии не подлежит сомнению, поскольку Кодекс Феодосия содержит около десятка лициниевых законов, чье авторство доказано в работе С. Коркорана¹⁰. В них упоминаются различные категории государственных служащих: *numeraarii*, *actuarii*, *scriuarii*, *ducenarii*, *centenarii*, *intercessores* и др. (CTh. 8.1.1; 8.4.3; 10.7.1; 2.30.1). На Востоке был свой независимый императорский комитат¹¹, т. к. без центрального аппарата управления вряд ли удалось бы в течение десятилетия управлять такой огромной территорией и набирать значительные контингенты войск и внушительное число кораблей для ведения войн с Константином. Вполне очевидно, что те два основных условия, которые предлагает Ж.-Р. Паланк¹² для дифференциации подлинного раздела от коллегияльности управления в единой империи — независимое законодательство и назначение высших чиновников, — в случае с Лицинием вполне соблюдаются. Более того, правильнее будет говорить о формировании государственного суверенитета на территории Востока в период с 313 по 324 гг., так как именно суверенитет является той категорией, которая характеризует юридическую природу независимого властвования, тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов, отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств¹³. Суверенитет означает юридическую возможность государства, им обладающего, не признавать никакой высшей над собой власти. Он свидетельствует о том, что мотивы для своего действия суверенное государство не получает

¹⁰ Corcoran S. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government AD 284–324*. Oxford, 1996. P. 281–292.

¹¹ О структуре и функциях позднеантичного комитата см.: Noethlichs K. *L. Strukturen und Funktionen des spätantiken Kaiserhofes // Comitatus*. Berlin, 1998. S. 13–51.

¹² Palanque J.-R. *Collégialité et partages dans L'Empire Romain aux IV-e et V siècles // REA*. 1944. Vol. 46. P. 49.

¹³ Палиенко Н. И. *Суверенитет*. Ярославль, 1903. С. 566.

от высшей и внешней ему силы, а черпает их юридически независимо из себя самого¹⁴.

Восточно-Римская империя к 323 г. (начало второй войны с Константином) обрела со всей очевидностью подобное качество, поскольку не было более высокой власти, стоящей над ее правительством (собственные законодательство, аппарат управления, армия обеспечивали ей эту возможность), а в своей деятельности молодое государство руководствовалось своими интересами, которые сводились, в первую очередь, к обеспечению безопасности своей территории, в том числе и от притязаний Запада. Вполне очевидно, что на Востоке в этот период складывается новая политическая элита, которая готова отстаивать независимость своего государства.

Поражение восточной армии в 324 г. и пленение Лициния привели к торжеству курса на объединение империи, проводимого Константином. Причем последний жестоко расправился со всеми лицами, которые могли реанимировать партию сторонников размежевания с Западом. Так, несмотря на первоначальные обещания Константина, были казнены Лициний, цезари Мартиниан и Лициний Младший. Становлению суверенитета Восточно-Римской империи был нанесен тяжелый удар, оправиться от которого сторонникам независимости Востока удалось лишь после смерти Константина в 337 г.

С установлением единоличного правления Константина над всей империей, продолжилась активная работа по выработке механизмов функционирования и преемственности верховной власти. Согласно завещанию Константина, модель центрального управления единой империей, состоящая из четырех цезарей (трое из них были сыновьями Константина, а четвертый, Далмаций, — племянником), которая, очевидно, была подготовлена Константином на будущее и представляла собой несколько измененный вариант тетрархии, показала свою нежизнеспособность уже в первые месяцы после смерти Константина. Далмаций был убит солдатами, а вся боковая ветвь константиновой династии, за исключением женщин и малолетних Галла и Юлиана, сыновей Юлия Констанция, уничтожена. Таким образом, план Константина по сохранению единства империи на базе возрождения тетрархии оказался нереализованным. 9 сентября 337 г. на встрече в Виминации все сыновья Константина были провозглашены августами, но при этом империя была вновь поделена на две части: Констанций II получил *pars Orientis* Лициния в границах 316–324 гг., Константин II и Констант — Запад (Константин как старший из братьев получал право опеки над Константом). С этого момента вновь был открыт путь к возрождению государственного суверенитета на Востоке.

Формально придерживаясь идеологической фикции единства империи, Кодекс Феодосия все же содержит целый ряд законов, которые можно идентифицировать как принадлежащие Констанцию II в период с 337 по 350 гг.¹⁵ Причем наличие у каждого из августов в этот период собственного законодательства не вызывает сомнений, поскольку абсолютно невозможно представить совместное обсуждение или согласование императорами, находящимися в разных концах римского мира, отдельных нормативных актов, иницируемых одним из них. Кроме того, нет никаких сведений о существовании единого общеимперского органа, который занимался бы законотворчеством для всей импе-

¹⁴ О современных подходах к понятию суверенитет см.: *Souveranität* // Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. 22. Mannheim; Wien; Zürich, 1978. S. 95-96; *Sovereignty* // *Encyclopaedia Americana*. Vol. 25. N. Y., 1965. P. 317-318; *Sovereignty* // *Encyclopaedia Britannica*. Vol. 20. L., 1968. P. 1030-1031; Hesselberger D. *Das Grundgesetz: Kommentar für die politische Bildung*. Bonn, 1988. S. 2.

¹⁵ См.: Vogler Ch. *Constance II et l'administration imperiale*. Strasbourg, 1979. P. 14-25.

рии. Поэтому одним из важнейших последствий раздела империи 337 г. становится появление на Востоке собственного законодательства. Направляя тому или иному должностному лицу свой нормативный акт, император Востока был уверен в бесспорности, в очевидности своей власти для получателя, и, следовательно, логично будет предположить, что и назначение высших чиновников, которым, главным образом, и адресованы императорские законы, также находилось в ведении данного императора. К тому же законы, изданные на Востоке, адресованы именно тем должностным лицам, компетенция которых территориально привязана к Востоку. И отсутствуют какие-либо примеры того, чтобы закон, подписанный на Западе в этот период, был бы адресован восточному чиновнику.

Наличие на Востоке верховной публичной власти, воплощенной в лице Констанция II и его двора, не вызывает сомнений, поскольку именно они контролировали высшую гражданскую и военную администрацию Восточно-Римской империи. Об этом свидетельствуют законы Констанция II, адресованные префектам претория (CTh. 2.6.4; 9.3.3; 7.9.2; 12.1.30), комиту Востока (CTh. 12.2.1), консуляру Сирии (CTh. 10.1.6.), президу Киликии (CTh. 11.30.24), магистру конницы (CTh. 5.6.1), дуксу Месопотамии (CTh. 7. 22.6) и др. Об активном функционировании административного механизма Восточно-Римской империи может свидетельствовать достаточно большое количество законов, сохранившихся в Кодекс Феодосия: за период с 338 по 350 гг. в Кодексе содержится около 50 законов, изданных на Востоке. Они касаются борьбы с коррупцией (CTh. 1.5.4), ужесточения фискальной политики (CTh. 11.36.6), положения куриалов (CTh. 12.1.33) и др.

Примечательны также и ровные отношения Констанция II со своими военными магистрами в 337–350 гг., в отличие от серьезных конфликтов именно с этим звеном высшего военного командования в период его единовластия над объединенной империей (Сильван). Во многом подобная ситуация определялась, на наш взгляд, тем, что Констанций II, являясь августом Востока, имел гораздо большую возможность контролировать свою военную верхушку, нежели делать это в масштабах объединенной империи.

Сведения о магистрах войск Констанция II на период 337–350 гг. скудны. Думается, это вызвано тем обстоятельством, что император неоднократно сам возглавлял походы против персов, а магистры, фактические командующие, находились в его свите. Поэтому не случайно, что информация об одном из первых магистров Констанция II Гермогене появилась в связи с исполнением им поручения императора: в 342 г. ему было приказано отправиться с восточной границы в Константинополь для изгнания оттуда епископа Павла; при попытке сделать это Гермоген погиб (Zos. 3.7.6; Socr. 2.13). Ровные отношения со своими магистрами в данный период в известной мере подтверждаются и предоставлением им консулатов, что было, видимо, связано с победами над персами (в 344 г. — Боноз, в 347 г. — Евсевий).

Изучение военных кадров Восточно-Римской империи в этот период позволило сделать следующий вывод: сыновья Константина I в 337–350 гг. каждый имели собственную администрацию, в том числе и по двое магистров армии, специфицированных по родам войск, т. е. уже для этого периода можно говорить о независимых друг от друга западно- и восточноримской (ранневизантийской) военной знати позднеантичного типа. В этом смысле итоги кризиса 337 г. просто трудно переоценить: в результате его состоялся первый реальный раздел империи¹⁶.

¹⁶ См.: Глушанин Е. П. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 58.

Внешняя политика Констанция II в 337–350 гг. — еще один пример оформления суверенной государственности на Востоке. Известно, что сразу же после завершения совещания в Виминации Констанций II поспешил на восточную границу, т. к. персидский царь начал вторжение в Месопотамию и осаду Нисибиса. В Армении положение проримской партии также было тяжелым, поскольку после известия о смерти Константина (или Ганнибалиана вскоре после этого) ее ставленник Арсак был вынужден бежать к римлянам. Активная деятельность Констанция II в этом регионе привела к возможности оказывать серьезное противодействие вторжению персов, а также к восстановлению Арсака на армянском престоле, которого восточноримский император короновал лично в 339 г. (Jul. Or. I, 20 D — 21 A; Faust. Byz. 3.21, 4.1). В 343 г. Констанций II принял участие в военной кампании в Адиабене¹⁷. Примерно в это же время фиксируются две дипломатические миссии: Феофила и Фруменция, которые обеспечили переход на сторону восточноримского императора ряда арабских племен¹⁸. Таким образом, создается устойчивое впечатление о проведении Констанцием II независимой внешней политики, соответствующей геополитическим интересам Восточной империи.

Курс на размежевание между Востоком и Западом в 337–350 гг. открыто проявился в религиозной политике сыновей Константина I. Разделив империю, братья заняли противоположные позиции в религиозных спорах между арианством и католицизмом, что диктовалось, в первую очередь, реальными политическими выгодами.

Большая часть епископов восточной части империи отдавали предпочтение учению Ария. Констанций II, став императором Востока, берет курс на превращение арианства в официальную религию своего государства. Благодаря его вмешательству константинопольский епископат оказывается в руках Евсевия, пылкого защитника арианства. Затем Констанций II способствовал восшествию на епископский престол в Александрии Григория, также сторонника арианства, хотя здесь и были сильны сторонники Афанасия. Несмотря на решение церковного собора в Сердике, Констанций II запретил под страхом смерти возвращаться в восточные провинции Павлу и Афанасию, сосланным на Запад¹⁹. Религиозный вопрос во многом был причиной серьезных обострений отношений между Востоком и Западом. Известно, что в 349 г. Констант угрожал своему брату военным вторжением, если тот не вернет Афанасию александрийский епископат. Обладая ограниченными военными ресурсами, которые к тому же были сконцентрированы на границе с Персией, Констанций II вынужден был уступить брату²⁰. Однако вряд ли будет правомерно расценивать эту уступку как подчиненность Констанция II Константу, поскольку решение о возвращении Афанасия принималось императором Восточно-Римской империи, который руководствовался при этом интересами исключительно своего государства. Лишь трезвая оценка политической ситуации, стремление избежать войны на два фронта, вынудили Констанция II выполнить требование западного императора.

Учитывая все вышеизложенные обстоятельства, следует признать факт складывания на территории восточных провинций римского мира в 337–350 гг.

¹⁷ См.: Seeck O. Sapor // Reale Encyclopedie. 1920. Bd. I A. Hlbd. 2. Sp. 2337.

¹⁸ См.: Barceló P. Roms äuswärtige Beziehungen unter der Constantinischen Dynastie (306 — 363). Regensburg, 1981. S. 85 f.

¹⁹ О религиозных спорах в период правления Констанция II см.: Mudd M. Studies in the reign of Costantius II. N. Y., 1989. P. 33-44.

²⁰ Об Афанасии и его возвращении см.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1997. Т. 2. С. 432-436.

независимого государства. Его суверенитет оформляется в процессе становления основных структур верховной власти (двор императора), собственного законодательства, бюрократического аппарата и независимой от Запада армии, замыкающихся в своей иерархии на императоре Восточно-Римской империи. Религиозная политика Констанция II в этот период всецело соответствует доминирующему на Востоке арианству. О появлении суверенитета свидетельствует и внешняя политика восточного императора, в которой он проявляет себя как независимый правитель своего государства. Лишним подтверждением этому является и то, что в начале царствования Констанция II именно к нему направляют миссию армянские нахарары с просьбой оказать им поддержку (Мов. Хорен. 3.4-5), признавая тем самым именно его главой государства.

Десятилетний период политической нестабильности в течение 50-х гг. IV в. начался не столько самим фактом узурпации Магненция на Западе, сколько открывшимися перспективами и сознательным стремлением Констанция II, отказавшегося признать власть Магненция (Zon. 13.7), воссоздать единую империю. Механизм политического равновесия между римским Западом и Востоком, выработанный в ходе кризисов 337 и 340 гг., был нарушен и повлек за собой с неизбежностью новые административные эксперименты. Стремясь не допустить распространения господства Магненция на Иллирик и Италию, Констанций II санкционировал узурпации Ветраниона и Непотиана²¹, будучи сам занят войной с персами. Обстоятельства провозглашения магистра пехоты Ветраниона I марта 350 г. убеждают в том, что Констанций II уже в первые недели 350 г. решился на возрождение цезарата. Его сестра Констанция, по Филосторгию (3.22), убедила Ветраниона провозгласить себя цезарем; император признал его соправителем и выслал инсигнии его достоинства. 15 марта 351 г. Констанций в своем лагере в Сирмии назначил цезарем Галла, своего племянника, и предписал ему охранять Восток от персов. Этот акт ранее (осень 350 г.) проделал и Магненций, наделив цезаратом своего брата Деценция с приказом оборонять рейнскую границу (Aug. Vic. De caes. 42.2; Zon. 13.8). Фактически под давлением военно-политической необходимости возродилась тетрархия, причем Магненций в первые месяцы своего правления был готов признать Констанция *auctor imperii*²². Констанций избрал династизм, что привело к гражданской войне. Примечательно, что он при назначении Галла цезарем не адоптивировал последнего, но выдал за него замуж свою сестру (Aug. Vic. De caes. 42.1; Zon. 13.9). На наш взгляд, в применении цезарата Магненций и Констанций II придерживались соответственно моделей Диоклетиана и Константина. При Деценции, лично воевавшем против германцев (Amm. 16.12.4), не засвидетельствован ни один магистр, и, наоборот, известно, что магистры Гайзон и Ромул сражались вместе с Магненцием при Мурзе (Zos 2.52.2); Деценций не имел при себе и наставников из префектов претория, т. е. был цезарем диоклетианова типа. Констанций определил цезарю Галлу в качестве советника и фактического командующего войсками Востока магистра конницы Урзицина. Тем самым, по сути дела, был создан первый региональный магистерий — *magisterium militum per Orientem*.

Победа над Магненцием и объединение империи не принесли Констанцию II спокойного внутреннего правления. В 354 г. пришлось выманить с Востока и казнить цезаря Галла, становившегося слишком самостоятельным. В 355 г. мятеж поднимает Сильван, магистр конницы. В 360 г. галльские легионы провозглашают цезаря Юлиана августом. Политизация галльской армии и стремление Юлиана не восстанавливать против себя восточные войска умершего

²¹ Elbern St. Usurpationen im Spätromischen Reich. Bonn, 1984. S. 49-50.

²² Bastien P. Le monnayage de Magnence (350-353). Wetteren, 1964. P. 12-15.

Констанция II привели к нарушению политического равновесия в пользу военных. Новый император расправился только с наиболее одиозными фигурами гражданского управления прежнего режима, не наказав ни одного военного и не сместив военных магистров Констанция II Агилона и Арбициона²³. Симметрия западно- и восточноримской военной верхушки сразу же проявилась после гибели Юлиана, продемонстрировав противоположность их уже сложившихся политических ориентаций: «... собравшиеся предводители войска, призвав командиров легионов и турм, совещались относительно избрания принцепса. И раздираемые бурными страстями Аринфей и Виктор и оставшиеся из придворных Констанция изыскивали кого-нибудь подходящего из своей партии; со своей стороны Невитта и Дагалайф и галльская знать искали такого мужа из своих соратников» (Amm. 25.4.1-2). Подобные сведения могут свидетельствовать лишь о взаимном неприятии на основе осознания себя сформировавшимися целостными структурами между западно- и восточноримскими военными. Антиюлиановская кадровая политика Иовиана позволяет предположить, что новый император был ставленником «восточной партии», начав свою службу, как и его отец Варрониан, при Констанции II (PLRE. I. 469; 946). Однако Иовиан процарствовал менее года. После его неожиданной смерти вновь к жизни был вызван выборный механизм *potestatum civilium militiaeque rectores* (Amm. 26.1.3), вновь проявилось соперничество высших чинов Запада и Востока. «Западная партия» предложила вначале трибуна первой схолы skutариев Эквиция; «восточная партия» — родственника Иовиана Януария (Amm. 26.1.4). Обе кандидатуры были отклонены под тем предлогом, что один был слишком неотесан и необразован для императорского достоинства, другой в этот момент находился далеко. В конце концов это противостояние увенчалось компромиссом: императором стал трибун второй схолы skutариев Валентиниан. Западную сторону Валентиниан устраивал как потомственный западноримский офицер, сын военного комита Британии Грациана, имущество которого конфисковал Констанций II за то, что Грациан принял в своем поместье Магненция (Amm. 30.7.2-3). Восточным римлянам в его биографии импонировало то, что Юлиан изгнал Валентиниана как христианина службы (Soz. 6.6.3-6; Socr. 4.1), а Иовиан не только восстановил его в ранге (Zon. 13.15), но и поручил ему сопровождать своего тестя Луциллиана на Запад (Amm. 25.10.10). В основе компромисса, бесспорно, лежало соглашение высших должностных лиц Запада и Востока о том, что новый император изберет себе соправителя. Это свидетельствует о том, что в объединенной Юлианом восточной и западной армиях имелись весьма серьезные силы, стремившиеся к прежнему отдельному существованию, понимая несовместимость внешнеполитических интересов *pars Orientis* и *pars Occidentis*. Вспомним при этом тот факт, что приказ Констанция II к западным легионам направляться на персидскую границу во многом и спровоцировал узурпацию Юлиана (Amm. 20.4). Валентиниан вынужден был согласиться с данным требованием и 28 марта 364 г. в Константинополе возвел в ранг августа своего брата Валента. В июне 364 г. братья в предместье Наисса поделили легионы²⁴ и их командование, а чуть позже в Сирмии гражданскую администрацию (Amm. 26.5.1-4). Территория империи была поделена точно так же, как и при разделах 316 г. между Константином и Лицинием и 337 г. между сыновьями Константина. То есть Валентиниану I отошли западные провинции и большая часть Иллирика, Валент же стал обладателем Востока

²³ Об этом см.: Глушанин Е. П. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 63-65.

²⁴ О военно-стратегических целях раздела см.: Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. S. 122-127.

и фракийского диоцеза²⁵. В результате через 11 лет после объединения империи Констанцием II (353–364 гг.) римский мир вновь вступил на путь размежевания между Востоком и Западом, и, как покажут дальнейшие события, фактически именно при Валенте окончательно складывается суверенитет восточноримского государства. Следы оформления суверенитета государственной власти ранневизантийского государства ярко проявляются уже при борьбе с узурпацией Прокопия. Ясно, что любая узурпация направлена против верховной власти в том или ином государстве. Поэтому вспыхнувший в 365 г. на территории восточных провинций мятеж должен был стать «головной болью» именно для правителя, осуществлявшего верховную власть в данном регионе. Поведение обоих братьев выдает нам подлинного правителя данной территории: Валентиниан, получив сведения о начале выступления Прокопия, решает выступить против аламаннов, а не узурпатора (Amm. 26.5.13). При этом, когда вспыхивает восстание Фирма, провозгласившего себя августом, в Африке, принадлежащей Западно-Римской империи, то Валентиниан ведет себя совсем по-иному. Он приказывает незамедлительно перебросить в Африку легионы из Паннонии и Мезии, несмотря на вторжение сюда квадов и сарматов (Zos. 4.16.3-4). Именно то, что Валентиниан являлся верховным правителем только Запада и объясняет столь болезненное восприятие им узурпации в Африке и невмешательство в подобное явление на Востоке. Обе эти узурпации прекрасно иллюстрируют свершившийся процесс раздела империи, когда Валентиниан и Валент, несмотря на свое родство, были все же правителями двух разных суверенных государств.

Внешняя политика Восточно-Римской империи в период правления Валента приобретает черты политики независимого государства. Четко оформляются два направления внешнеполитической активности: восточное (Персия) и северное (Дунай). Унизительный мирный договор Иовиана с персами привел к формальному отказу от верховенства над Арменией и Иберией и от союза с ними. В результате Сапор с армией вступил на территорию Армении и без особых трудностей подчинил ее своей власти. Однако в этой стране, исповедовавшей христианство, продолжала существовать проримская партия, и Валент, уладив внутренние проблемы (узурпация Прокопия), активизировал здесь работу своей агентуры. Свидетельством тому является деятельность в Армении дукса Траяна, который способствовал приходу к власти в Армении царя Пары, а затем, когда последний стал тяготеть к персам, организовал его убийство по приказу Валента (Amm. 30.1). С 368 по 378 гг.²⁶ с небольшими перерывами продолжалась война ранневизантийской империи с Персией (Zos. 4.13.1-2; Amm. 27.12; 29.1.1-4; 30.1-2; 31.7.1). За Дунаем в 367–369 гг. Валент вел войну с готами, поводом к которой послужила отправка ими вспомогательных частей узурпатору Прокопию. Готы Атанариха были разбиты и подписали с Валентом мирный договор (Amm. 27.4.1; 27.5). Таким образом, войны с персами и готами убедительно подтверждают проведение Восточно-Римской империей независимой внешней политики, подчиненной исключительно ее геополитическим интересам.

Неприятие курса на объединение проявляется и в кадровой политике Валента. Несмотря на широко распространенное в историографии мнение о том, что в окружении восточного императора были представлены в основном паннонцы²⁷, анализ верхушки гражданской администрации позволяет говорить об

²⁵ См.: Demougeot E. Le partage des provinces de l'Illyricum entre la pars occidentis et la pars orientis, de la Tetrarchie au r gne de Th odoric // La Geographie administrative et politique d'Alexandre   Mahomet. Strasbourg, 1979. P. 245.

²⁶ Для правления Валента.

²⁷ Alföldi A. A conflict of Ideas in the Late Roman Empire. Oxford, 1952. P. 17; Jones A. H. M. The Later Roman Empire. A social, Administrative and Economic Survey. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 141.

обратном. Небридий, префект претория Востока, был уроженцем Этрурии (PLRE. I. 619); префект Константинополя Кесарий происходил из Киликии (PLRE. I. 168); магистр оффиций Деценций также был уроженцем восточных провинций (PLRE. I. 244). Примечательно и следующее: Аммиан, не упускавший случая подчеркнуть, что то или иное лицо в окружении императора было земляком Валента, не упоминает в этой связи квестора дворца, комита священных щедрот, которые, видимо, также не были паннонцами. С другой стороны, просопографические данные позволяют твердо вывести одну закономерность: все эти люди в той или иной мере в свое время конфликтовали с юлиановым режимом или обладали известным влиянием (комит священных щедрот Иовин, магистр оффиций Деценций) при дворе Констанция II. Очевидно, именно эти заслуги и стали для них лучшей рекомендацией при новом правлении, и, следовательно, кадровый курс Валента в сфере гражданской администрации с самого начала основывался скорее на политических, нежели на этнических симпатиях. Иными словами, костяк антиюлиановской «восточной партии» здесь остался нетронутым, став одним из зримых примеров реального политического раздела империи после 364 г.

Те же принципы кадровой политики прослеживаются и в верхних эшелонах военной администрации. Лупицин получил подтверждение своего магистерия, на котором он находился еще при Констанции II. Юлиан, как известно, сместил его как шпиона Констанция и позже даже арестовал; в должности Лупицина восстановил еще Иовиан (PLRE. I. 520). Магистры Виктор и Аринфей не лишились своих рангов как получившие их от Юлиана, видимо, потому, что они решительно встали на сторону «восточной партии», заслужив доверие ее лидеров. Единственным же паннонцем в военном руководстве в первые месяцы правления Валента был комит domestikов Серениан (Amm. 26.5.3), вскоре убитый Марцеллом (Amm. 26.10.1).

То, что фактически верхушка гражданской и военной администрации в 364–366 гг. состояла главным образом из представителей режима Констанция II, во многом предопределило поддержку Валента восточными провинциями в восстании Прокопия, тем более что последний слишком явно демонстрировал стремление опереться на приверженцев Юлиана: об этом свидетельствует, например, назначение галлов Фронемия и Евфраксия соответственно префектом Константинополя и магистром оффиций (Amm. 26.7.4). Если же учесть, что курии Фракии поддерживали Прокопия, «связывая свое недовольство политикой Валента с надеждами хотя бы на частичный возврат к политике Юлиана, к укреплению положения и значения курии»²⁸, то представляется возможным говорить о существовавшей тенденции известных противоречий между регионально сгруппированными фракциями куриалов и муниципальной аристократии Ранней Византии. Встав на сторону муниципальной верхушки восточных провинций и снискав ее поддержку в ходе восстания Прокопия, Валент на протяжении всего своего правления оплачивал выданный им «политический вексель»²⁹. При расставленных таким образом акцентах вряд ли приходится говорить о паннонском засилье при Валенте. Стремительное сближение и ориентация Валента на «восточную партию» стало причиной организации против него заговоров со стороны остатков проюлиански настроенного офицерства. Во всяком случае, только с

²⁸ См.: Курбатов Г. Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365–366 гг.) // Византийские очерки. М., 1961. С. 79.

²⁹ Глушанин Е. П. Система набора солдат в ранневизантийской армии IV в. (К вопросу о некоторых аспектах социальных отношений и социальной политики Византии в IV в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 3–22.

этим, на наш взгляд, можно увязать упоминание Аммиана о покушении на императора skutария Саллюстия (Amm. 29.1.15-16), который действовал, видимо, не в одиночку. Все это лишь укрепляло альянс Валента с выдвигенцами эпохи Констанция II. В целом, несмотря на ряд колких выпадов, Аммиан высоко оценивает правление Валента: «Восток не помнит лучшего в этом отношении времени ни при каком другом императоре» (Amm. 31.14.3). В новейшей литературе подчеркивается сила восточноримской политической элиты вплоть до того, что Валент называется прямо ее инструментом³⁰.

Наличие на Востоке в 364–378 гг. собственного законодательства не может ставиться под сомнение исходя из тех же доводов, которые приводились при рассмотрении правлений Лициния и Констанция II.

Военная катастрофа под Адрианополем обернулась серьезными политическими последствиями для молодой ранневизантийской государственности: фактически обессилила «восточная» партия, отстаивавшая реальную независимость Восточной империи. Походный консistorий Валента после гибели императора оставался в осажденном Адрианополе (Amm. 31.12.10). Очевидно, что в первые месяцы после катастрофы консistorий не имел возможности влиять на ход событий. Изоляция правительства ранневизантийского государства привела к политическому дисбалансу властных структур и прямому вмешательству Запада в дела Востока. Так, магистр Востока Юлий осенью 378 г. без согласования с кем-либо³¹ отдал приказ об уничтожении готов в Малой Азии (Amm. 31.16.18); вдова Валента Домника распорядилась вооружить еще недавно бунтовавший против ее мужа (Amm. 31.11.1) народ Константинополя (Soz. 7.1.2; Socr. 5.1); Грациан, западный император, вмешался посредством посылки своего магистра войск Сапора в дела антиохийской церкви (PLRE. 1.803). Но самым серьезным последствием адрианопольской катастрофы для ранневизантийской государственности стало прямое назначение нового августа Востока Грацианом, что означало отстранение прежде правящих восточноримских кругов (так и не сумевших оправиться от деморализации и неразберихи в течение пяти месяцев после гибели Валента) от выборов «своего» императора. Отсюда новый император прибыл на Восток независимым и полновластным хозяином, принес с собой собственное видение решения проблем, беспрепятственно сменив курс в религиозной, федератской, внешней и кадровой политике, формируя имперскую верхушку по своему усмотрению. В сфере военной администрации новыми людьми для Восточной империи стали Рихомер, Арбогаст, офицеры франкского происхождения, посланные Грацианом на помощь Валенту и Феодосию (Zos. 4.33). Думается, что их заметное положение в военном аппарате в первые годы правления Феодосия было обусловлено тем обстоятельством, что они были представителями западноримской военной знати, из среды которой вышел новый август Востока. Вполне правомерно, на наш взгляд, говорить о доминировании в ближайшем военном окружении Феодосия выходцев из Западной империи³², которые являлись для Византии олицетворением политической практики западного двора, хотя с прибытием на Восток они и оторвались фактически от своих корней и на время превратились в ранневизантийскую военную элиту, деформировав в какой-то мере прежнюю модель.

³⁰ Tritle L. A. Whose tool? Ammianus Marcellinus on the Emperor Valens // *The Ancient History Bulletin*. 1994. № 8. P. 141-153.

³¹ Критику версии Евнапия-Зосима о причастности константинопольского сената к избиению готов см.: Zosime. *Histoire Nouvelle / Texte trad. par F. Paschoud*. P., 1979. T. II. P. 2. P. 389-391.

³² Matthews J. F. Gallic Suppoters of Theodosius // *Latomus*. 1971. Vol. 30. Fasc. 4. P. 1073-1099.

Решив главную на тот момент проблему ранневизантийского государства (устранение последствий Адрианопольской катастрофы), Феодосий обеспечил себе поддержку восточноримских провинциалов, а также значительно увеличил свои военные силы за счет привлечения на службу вестготов-федератов, которые смогли несколько компенсировать потерю 40-тысячной восточной армии в 378 г. Таким образом, к 382 г., когда был окончательно урегулирован вопрос с готами, происходит упрочнение верховной власти западноримского происхождения. Это позволило Феодосию существенно сместить акценты в ранневизантийской государственности, превратив Константинополь (вместо Антиохии) в подлинную столицу империи. За весь период своего правления Феодосий ни разу не переправился через Босфор, что свидетельствует о его известном пренебрежительном отношении к восточным провинциям. Не уделял Феодосий должного внимания и традиционным внешнеполитическим интересам Востока. Источники не упоминают о каких-либо военных действиях в период его правления на границе с Персией. Феодосий использовал восточноримские ресурсы для осуществления вмешательства во внутренние дела Западной империи.

После разгрома Евгения в 394 г. для Феодосия открылась возможность remodelировать политическую структуру всей Римской империи по парадигме Константина I, но она не была реализована из-за болезни и смерти Феодосия в начале 395 г. Создать за столь короткий срок (всего четыре месяца) единые для всей империи государственно-правовые структуры было просто невозможно. «Раздел» империи 17 января 395 г. между сыновьями Феодосия, Аркадием и Гонорием, состоялся не начавшись, не придав нового качества молодому ранневизантийскому государству.

Таким образом, раздел 364 г. и последовавшее за ним оформление суверенного ранневизантийского государства стали поворотным пунктом в окончательном политическом размежевании Римской империи и, соответственно, европейского континента.

SUMMARY

This article tells about the stages of formation of the state sovereignty of the Early Byzantium, and also about the basic structural elements of this process. Political divisions of the Roman Empire were resulted by the creation of the independent statehood in Roman East. There are three stages of this process: the reign of Licinius (313–324), the reign of Constantius II (337–350), the reign of Valens (364–378). The state sovereignty repeatedly was formed and was curtailed here. The date of the final partition of the Roman Empire is 364. The basic elements of the independent statehood are shown in acquisition of its own populated territory and independent public authority, which follows from its own administrative structures, independent external and internal policy and its own political elite. In 394, for the emperor Theodosius, after a victory above Eugenius, was opened an opportunity of unification of the political structures of the Eastern and Western Empires. But it was not realized because of illness and death of Theodosius in the beginning of 395. In such short term (only four months) it was impossible to create uniform administrative institutes. The «division» of the empire in January 395 was carry out without beginning. It did not give a new quality to the young Byzantine state.